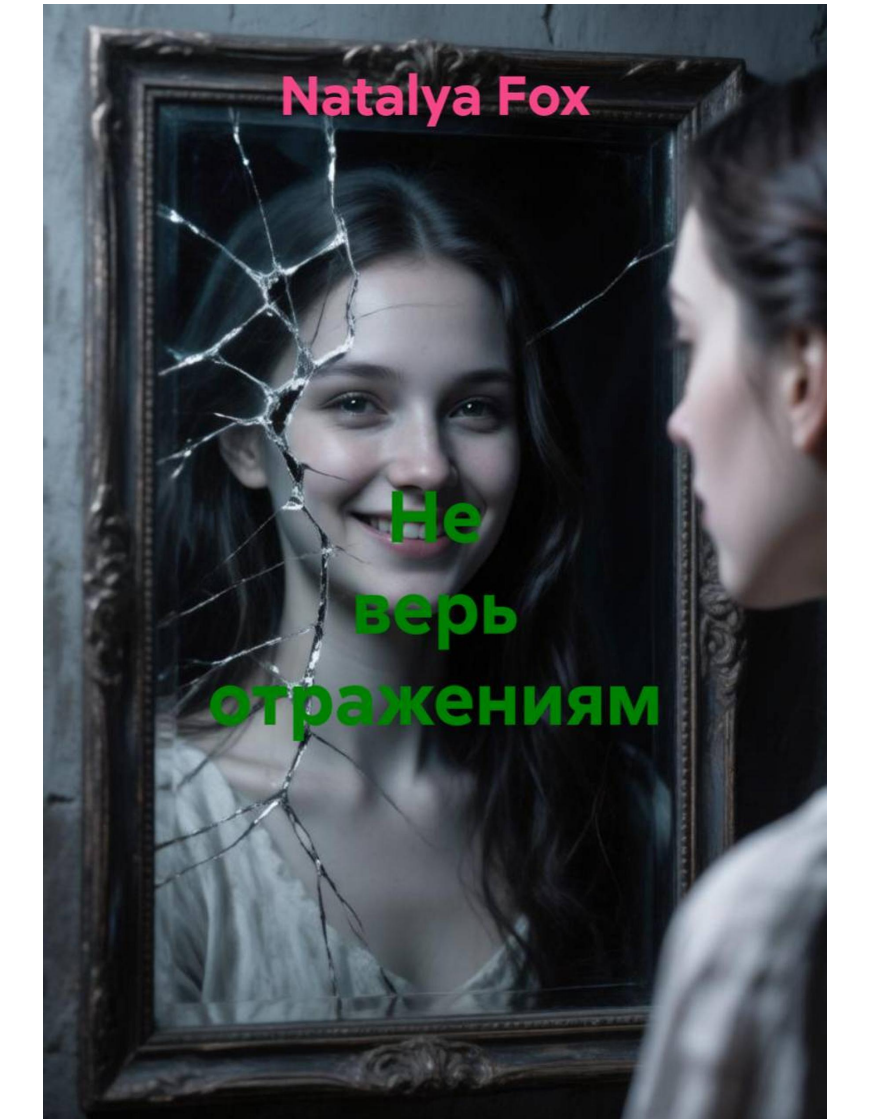

Natalya Fox

**Не
верь
отражениям**

Natalya Fox

Не верь отражениям

<https://litres.ru/74683028>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждый нерешённый выбор — долговая запись в Книге, что хранится в Библиотеке мёртвых. Каждая фальшивая улыбка — печать на договоре с собственной тьмой.

Нина узнала об этом слишком поздно. Её отражение ожило — и улыбнулось шире, чем она сама. За стеклом стоят тени: Лгунья, Трус, Жестокая. Они не убивают. Они заменяют — слой за слоем, пока от тебя не останется пустая оболочка, которую можно надеть.

Единственный, кто видит их так же ясно, — Алекс. Мальчик с потухшими глазами и тенью, которая всегда на шаг позади. Он знает цену спасения. И предупреждает: не верь отражениям.

Чтобы выжить, Нине придётся спуститься в самую глубокую бездну — внутрь себя. И сделать то, чего боятся даже мёртвые: принять свою тьму. Целиком. Навсегда. И платить. Каждый день. Кровью, памятью, светом.

Natalya Fox

Не верь отражениям

Глава 1. Запись

«Каждый нерешённый выбор — это запись. Каждая фальшивая улыбка — это долг. И однажды кто-то приходит, чтобы взыскать».

— Из Книги Долгов

Серый свет пробивался сквозь щель в шторах. Нина лежала калачиком на смятом одеяле — челюсть сжата так, что желваки выступают. Тёмные полукруги под глазами. Визг будильника. Она вздрогнула, глаза распахнулись мгновенно — без проблеска сонливости. Воздух застрял в горле. Пальцы вцепились в край одеяла.

Она полежала секунду, прислушиваясь к телу — к этой чужой, звериной настороженности, которая не отпускала её уже которую ночь. На кухне пахло подгоревшей овсянкой. Мать металась у плиты. Кружка отца у раковины, недопитый кофе — его ежеутренний манифест непричастности.

— Ешь, не копайся! — бросила мать, хватая ключи.

Нина покорно ковырнула ложкой в серой массе. Иногда ей казалось, они не замечают, как сквозь неё проходят, словно она — лишь тень их утренней спешки. Она подняла гла-

за. Мать уже стояла в дверях, спиной, натягивая пальто. Нина хотела сказать что-то. Не знала что. Может, «останься». Может, «посмотри на меня». Но в горле снова встал ком, и — как вчера с Леной, как всегда — она проглотила слова. Улыбнулась в пустоту. Дверь захлопнулась.

Нина постояла ещё секунду, глядя на закрытую дверь. Потом подошла к окну. Мать уже вышла из подъезда — быстрым, дёрганным шагом, как будто за ней кто-то гнался. Она всегда так ходила. Нина помнила, как в детстве пыталась догнать её, схватить за руку — но мать только ускорялась, не оборачиваясь. «Не отставай», — бросала она через плечо. И Нина отставала. Всегда.

На подоконнике лежал забытый матерью шарф. Нина взяла его, поднесла к лицу. Пахло чужими духами — сладкими, приторными. Мать никогда не пользовалась такими. Но в последнее время от неё пахло именно так. Как будто она надевала что-то чужое. Как будто улыбалась через силу. Нина положила шарф обратно. Не её дело. У неё своих проблем хватало.

Где-то глубоко, в самой глубине, что-то дрогнуло, как будто внутри неё что-то записалось. Маленькая отметка.

Институтский коридор обрушился какофонией. Гул голосов отдавался в ушах неестественно громко. Нина прижалась к прохладной стене. Лица — знакомые, чужие — казались плоскими, нарисованными, как декорации. И тут она увидела Лену. Настоящую Лену — с живыми глазами, с при-

вычной лёгкой иронией в уголках губ. Лена шла по коридору, что-то говоря Артёму, и Нина вспомнила. Вчера был момент. Лена рассказывала, как Артём унизил её при всех — цинично, жестоко, — и внутри Нины поднялась горячая волна: скажи ей. Скажи, что он скотина. Скажи, что она заслуживает лучше. Голос уже был готов, губы приоткрылись... и тут мимо прошёл преподаватель, и Лена осеклась, и Нина увидела её лицо — испуганное, просящее не продолжать. И Нина проглотила слова. Улыбнулась. «Всё нормально, Лен. Всякое бывает».

Она могла сказать это. Прямо сейчас. Пока Лена смотрит на неё с той своей полуулыбкой — доверчивой, открытой. Нина уже открыла рот. Слова были готовы — горькие, правдивые, нужные. «Он тебя не уважает. Ты это знаешь». Но тут Лена добавила: «Ты же понимаешь, он просто вспылил. Он не со зла». И Нина увидела, как в глазах подруги мелькнул страх — не перед Артёмом, а перед правдой. Перед тем, что придётся что-то менять. И Нина снова проглотила. Улыбнулась. «Конечно, не со зла». А внутри — снова этот звон.

Сейчас, глядя на Лену в коридоре, Нина ощутила это снова. Тот же звон. Тот же ком в горле. Она хотела подойти, сказать что-то — что угодно, — но ноги словно приросли к полу. Она не знала, что сказать. Не знала, как объяснить. И стояла, пока Лена не скрылась за поворотом.

И тут — взгляд. Тяжёлый, неотрывный. Нина подняла глаза. Алекс. Тот самый тихий парень из параллели. Он стоял у

шкафчика. Его тёмные глаза не выражали ни любопытства, ни симпатии — сканировали. Видели что-то глубже. Что-то, отчего у Нины пересохло во рту, а ладонь онемела. Она резко отвернулась, затерялась в толпе. Его взгляд впивался в спину ещё долго.

Дорога домой — маршрут на автопилоте. Солнце слепило, отражения в витринах резали глаза. Нина машинально скользнула взглядом по стеклу — и на мгновение ей показалось, что её отражение отстало. На долю секунды. На один шаг. Она замерла, вгляделась — но нет, просто игра света. Она пошла дальше, стараясь не смотреть по сторонам.

Дом. Лестница. Ключ в замке. Квартира встретила давящей пустотой. Родители задерживались. Знакомые звуки растягивались, наполняясь зловещей значимостью — тиканье часов, гудение холодильника, скрип половиц. Нина пыталась взяться за учебники — строчки расплывались. Магнитом тянуло к зеркалу в прихожей. Она чувствовала его присутствие сквозь стену. Нельзя. Не сейчас.

Она понимала, что вчерашнее молчание переполнило чашу. Ту, которую она наполняла годами — каждой проглоченной фразой, каждой фальшивой улыбкой. И трещина, которая пошла по её отражению, была не в стекле. В ней самой. И где-то глубоко, в самом дальнем углу памяти, шевельнулось что-то. Смутное. Бабушка. Запах старых духов и пыли. Ощущение, что та смотрит. Оттуда. Из отражения. Нина не помнила бабушку. Только это. Только взгляд.

Это зеркало висело в прихожей столько, сколько Нина себя помнила. Старое, в тяжёлой деревянной раме, с потускневшим стеклом. Бабушка говорила — оно досталось ей от матери. «В нём нельзя долго смотреться, — сказала она как-то, когда Нине было лет шесть. Оно запоминает». Нина тогда не поняла. А потом бабушка ушла — просто исчезла из их жизни, и мать запретила о ней говорить. Но зеркало осталось. И иногда, проходя мимо, Нина ловила краем глаза какое-то движение. Не своё. Чужое. Она никогда не останавливалась, чтобы проверить. До сегодняшнего дня.

Вечер сгущался. Решение пришло само, подстёгнутое липким потом страха. Душ. Но душ означал ванную. А ванная означала Зеркало. Старое, большое, над раковиной. Ловушку из стекла и тени.

Щелчок выключателя прозвучал неестественно громко. Лампочка мигнула раз, два — жёлтым, неровным светом — зажглась.

Нина нарочито уставилась в трещинки на кафеле, открывая кран душа. Из крана пахло ржавчиной — старые трубы. Нина открыла воду, подождала, пока пойдёт чистая. Пар медленно заполнял комнату, оседая на кафеле, на полотенцах, на зеркале. Она старалась не смотреть в него. Но краем глаза видела — там, в мутной глубине, что-то двигалось. Не отражение. Что-то другое.

Она разделась, зашла под почти обжигающие струи, захлопнула дверцу. Горячая вода смывала напряжение мышц,

но не глубокий, затаившийся страх. Он сидел где-то под рёбрами. Тяжестю. Она стояла под водой дольше обычного, пока кожа не покраснела, пока пар не заполнил кабинку плотным молочным облаком. Может, думала она, если я просто не буду смотреть. Если я просто не буду думать. Если я просто выйду и лягу спать, всё это окажется... чем? Игра света? Усталость? Но тяжесть в груди не уходила.

После душа, закутавшись в большое полотенце, она подошла к раковине. Зеркало было затянуто плотным молочным туманом пара. Нина машинально провела ладонью по холодному, влажному стеклу, расчищая овал примерно по центру. Просто убрать мокрую прядь со лба, проверить...

В протёртом круге возникло её лицо. Мокрые волосы прилипли к вискам и шее. Всё, как всегда. Но... что-то не так. На лице Нины была расслабленность — усталая, пустая, как после долгого дня. Но лицо в отражении... Его выражение было иным. Глаза — широко раскрыты, неестественно блестящие, как у куклы. А уголки губ... они были приподняты. В улыбке — слишком широкой, слишком застывшей. Улыбке, которая не касалась глаз. Улыбке слащавой, приторной, как сироп. И в этих широко раскрытых глазах — нечеловеческий восторг и... голод.

Это была не угроза. Это было предложение. Но не отражения. Отражение было лишь записью. А за ним стояло что-то другое. Что-то, что пришлось взыскать.

Нина замерла. Воздух застрял в груди — не вдох, не вы-

дох, просто спазм, как утром, как вчера в коридоре. Она медленно поднесла дрожащую правую руку к своему лицу, коснулась подушечками пальцев левой щеки. Кожа была холодной. Кончики пальцев онемели.

Отражение не повторило движение. Его правая рука осталась висеть вдоль тела. Пальцы слегка согнуты, будто готовые вцепиться. А та улыбка стала ещё шире, ещё неподвижней. Глаза, казалось, стали ещё больше — два бездонных колодца, полных фальшивого восторга.

И тогда отражение моргнуло. Медленно. Нарочито. Тяжёлым, почти ленивым опусканием век. В тот самый момент, когда реальная Нина стояла, не моргая. А потом — язык. Алый, влажный кончик скользнул по нижней губе отражения. Жест хищного, ненасытного ожидания. Глумливой насмешки. Словно пробуя воздух на вкус. Словно предвкушая.

Ледяной вал накрыл Нину с головой. Воздух вырвался хриплым, сорванным всхлипом. Она отшатнулась, спина больно ударилась о мокрый кафель. Сердце колотилось с бешеной силой. Глаза дико метались между протёртым овалом и молочно-белым туманом. Тошнота подкатила к горлу.

«Нет, — прошептали губы, звук чужим, надтреснутый. — Нет-нет-нет-нет...» Она вдавила кулаки в глазницы, зажмурилась до боли. Сон? Переутомление? Разум отчаянно цеплялся за соломинку. Но тело знало. Оно помнило вчерашнюю лопнувшую нить. Оно помнило, что она снова промолчала. Снова улыбнулась. Снова выбрала не выбирать.

Глубокий, сдавленный вдох. Она заставила себя открыть глаза. Должно быть нормально. С диким усилием воли Нина сделала шаг к раковине. Правая рука, всё ещё дрожа, медленно потянулась к запотевшему стеклу. К тому месту, где секунду назад было лицо... Она хотела коснуться. Ощутить его твёрдую, холодную реальность. Доказать себе галлюцинацию. Взгляд, полный немой мольбы и первобытного страха, устремился в очищенный овал...

Зеркало показывало только её. Мокрые волосы. Широко распахнутые, до боли, глаза, полные чистого ужаса. Смертельно бледное лицо. Дрожащие, искривлённые страхом губы. Никакой чужой улыбки. Никакого кукольного взгляда. Только отражение напуганной девушки.

Нина выдохнула. Звук вышел стонущим, сдавленным рыданием. Волна облегчения — сладкого, пьянящего — накатила, подкашивая ноги. Она едва удержалась, вцепившись пальцами в холодный край раковины. «Боже... — прошептала она. — Показалось. Надо выспаться...» Она торопливо промокнула лицо краем полотенца, выбежала из ванной, с силой хлопнув дверью. Металлический щелчок ключа прозвучал как выстрел. Неосознанный жест защиты.

В темноте ванной, в густом, неподвижном тумане пара, на запотевшем зеркале, там, где секунду назад было лицо перепуганной девушки, медленно, с леденящей чёткостью, проступил и тут же погас один-единственный глаз. Холодный. Насмешливый. Полный осознанного злого умысла. Аб-

солютно живой.

А в воздухе — Нина ощутила это уже из коридора, прижавшись спиной к двери, — остался висеть тонкий, приторно-сладкий запах. Как дешёвые духи. Как фальшивая улыбка. Как ложь, которую она проглотила вчера в институтском коридоре.

Нина просидела на полу в коридоре до полуночи, прислушиваясь к тишине ванной. Ничего. Только капля из крана — мерно, как метроном. Она почти поверила, что всё обошлось. Почти. А потом вспомнила взгляд Алекса в коридоре. Тяжёлый. Знающий. Как будто он видел то же, что и она. Как будто он ждал, что она подойдёт. Но она не подошла. Снова проглотила. Снова улыбнулась. И где-то внутри — тонко, стеклянно — звякнуло.

Глава 2. Незнакомец в тени

«Тот, кто видит, не может не видеть. Тот, кто знает, не может забыть. Проклятие — не в том, что ты видишь их. Проклятие — в том, что ты не можешь отвернуться».
— Алекс Костров, из личных записей

Страх не отпускал. Нина пыталась убедить себя, что это была галлюцинация — игра света и усталости. Но каждый раз, проходя мимо зеркала, пальцы леденели. Она начала их избегать — отводила взгляд от окон, от витрин, от луж. Чув-

ствовала себя идиоткой. И всё равно избегала.

Иногда она ловила себя на том, что считает отражения. В лужах — раз, два, три. В витринах — пять. В стёклах машин — ещё три. Как будто если их посчитать, можно было понять, откуда ждать удара. Однажды утром она поймала своё отражение в тёмном стекле автобусной остановки. Оно смотрело на неё. Не в сторону. Не сквозь. Прямо на неё. Нина отвернулась. Сердце колотилось. «Показалось», — сказала она себе. Но считала с тех пор ещё внимательнее.

Утром она сидела на кухне, пытаясь впихнуть в себя бутерброд. Отец уже ушёл — на столе остывала его чашка с недопитым кофе. Нина смотрела в окно. Дворник внизу сгребал мокрые листья. Обычный мир. Обычные люди. Она почти поверила, что вчерашнее — кошмар. Почти.

Шёл мелкий, назойливый дождь, превращавший асфальт двора в мозаику мутных луж. Нина торопилась к автобусной остановке, кутаясь в тонкую куртку, когда почувствовала на себе тяжёлый, неотрывный взгляд. Обернулась. У старых запасных выходов, под мерцающей флуоресцентной лампой, стоял Алекс. Он не просто смотрел на неё. Его взгляд был прикован к её отражению в огромном, забрызганном дождём окне школьного крыла. И в этом взгляде было не просто наблюдение — было знание. Глубокое, тревожное знание о том, что она сама видела и боялась признать.

Нина ускорила шаг. Сердце колотилось где-то в горле. Лужи под ногами искажали мир, превращая прохожих в без-

ликие, вытянутые фигуры. Она села в подъехавший автобус, устроилась у окна, стараясь дышать ровно. «Просто чудак», — подумала она, вытирая ладонью запотевшее стекло. И тут дыхание перехватило. Алекс стоял на тротуаре, под дождём. Он не смотрел на уезжающий автобус. Его взгляд, цепкий, будто пытался заглянуть под кожу, не отрывался от окна — от места, где сидела она. От её отражения за мутным, покрытым каплями стеклом. Даже когда автобус тронулся, он не отвёл взгляда, пока его не скрыла пелена дождя и расстояния.

Нина поняла: он смотрел не на неё. Он смотрел на то, что было за ней. В отражении. Как будто видел там что-то ещё. Что-то, чего она не видела. Или не хотела видеть. Она резко обернулась — за спиной было только пустое сиденье и мутное окно. Но холодок между лопатками остался.

Она резко отвернулась от окна, вжавшись в сиденье. Отражение в стекле было просто размытым пятном из-за капель, но страх был реален. Страх и знание Алекса.

Она выскочила на своей остановке, едва не споткнувшись. Дождь усиливался. Она почти бежала по знакомой улице. Те ни в витринах магазинов казались гуще, живее. В тёмном стекле офисного здания мелькнул её силуэт — на мгновение он показался ей сгорбленным, полным отчаяния. Или это игра света? Нервы были натянуты как струны.

И тут он снова появился. Алекс. Он ждал её у подъезда старого дома — того самого, мимо которого она проходила

каждый день. Знал, что она пойдёт этой дорогой. На этот раз он не просто смотрел. Его лицо было бледным, напряжённым до предела. Когда Нина поравнялась с ним, он резко шагнул вперёд, преграждая путь. Его пальцы холодной сталью впились ей в локоть.

— Не верь отражениям, — прошипел он, голос сдавленный, срывающийся. — Особенно... когда они смотрят на тебя в ответ. Это не зеркала. Это записи. Ты всем должна. И они пришли.

— Какие записи? — Нина дёрнулась. — О чём ты?

Алекс посмотрел на неё. В его глазах не было безумия. Только усталость. Глубокая, как колодец.

— Ты когда-нибудь говорила «всё хорошо», когда было плохо? Улыбалась, когда хотелось кричать? Молчала, когда надо было сказать?

Нина замерла. Да. Тысячу раз. Каждый день.

— Это записи, — сказал он. — Каждая — долг. Они копятся. А потом приходят.

— Кто?

— Тени. — Он сказал это так просто, будто говорил о погоде. — Твои. Мои. Все.

Нина дёрнулась, пытаясь высвободить руку.

— Отстань! Ненормальный! — вырвалось у неё, смесь страха и злости. Но её протест звучал слабо даже в её соб-

ственных ушах.

Алекс не отпускал сразу. В его глазах, когда они мельком скользнули по её плечу — туда, где должна была падать её тень на мокрый асфальт, — промелькнуло нечто большее, чем предупреждение. Что-то вроде... тревожного узнавания? Паники, которую он едва сдерживал?

— Просто... будь осторожна, — добавил он, и голос дрогнул, стал почти неслышным. — Не хочешь стать... как я. Я уже должен. Много. Всем.

Только тогда он разжал пальцы, резко отвернулся, как будто испугавшись собственных слов, и почти побежал прочь, засунув кулаки в карманы потрёпанной куртки.

Нина смотрела ему вслед. И впервые за всё это время ей показалось, что она увидела что-то, кроме страха и знания. Усталость. Глубокую. Старую. Как будто он нёс это в себе годами. И уже не верил, что сможет когда-нибудь отпустить. Или выплатить.

Нина стояла посреди тротуара, под дождём, растирая локоть. Прикосновение Алекса оставило после себя странное ощущение — как будто кожа впитала чужой холод. «Сам ненормальный», — снова подумала она автоматически, но теперь в этой мысли не было убеждённости, только нарастающий ужас. Он знал. Он видел то же самое. И самое страшное — он был прав. Отражения не уходили. Они становились смелее, насыщаясь её страхом. Отрицание больше не работало. В зеркале ванной был не сбой. Это было начало

чего-то ужасного. И этот загадочный, пугающий Алекс Костров, казалось, был единственным, кто понимал, что происходит. Почему он предупредил именно её? Что он увидел в её тени? Она больше не была одна в этом кошмаре. Но это не приносило облегчения. Только новый, более острый страх.

Вечером, когда она уже лежала в постели, пришло сообщение от Алекса. Короткое, без приветствия: «Завтра. Библиотека. Читальный зал. 16:00». Нина долго смотрела на экран. Потом ответила: «Хорошо». И отключила телефон.

Глава 3. Учёт

«Отражение — это не портал. Отражение — это запись. Тени — это проценты. Чем больше накоплено — тем сильнее Тень. И нет способа избежать выплаты. Есть только способ отложить».

— Из Книги Долгов

Он ждал её в читальном зале. Молча кивнул и пошёл вперёд, не оборачиваясь. Нина последовала, чувствуя, как с каждым шагом тишина библиотеки становится гуще. Холодный туман, пробиравшийся сквозь высокие, пыльные окна, клубился между рядами стеллажей, превращая знакомые очертания в зыбкий лабиринт. Шаги глухо отдавались в звенящей тишине. Воздух пах старыми книгами, сыростью и чем-то ещё... металлическим, как перед грозой.

Алекс остановился перед массивной дубовой дверью с выцветшей табличкой «Зимний Сад». Резко толкнув её, он толкнул Нину внутрь и тут же захлопнул за ними. Звук гулкого удара дерева о косяк эхом разнёсся по павильону.

Павильон «Зимний Сад» был когда-то гордостью библиотеки — стеклянные стены и потолок, увитые плющом, скульптуры, фонтаны. Теперь это было царство разрушения. Большинство стёкол выбиты, холодный ветер гулял внутри, шевеля клочья высохших растений. Осколки хрустели под ногами. Но самое жуткое — отражения. Они были везде: встроенные в стены, обрамлявшие фонтан, даже в потолочных плафонах. И в каждом, даже в самом маленьком осколке, отражались они. Не Нина и Алекс. Другие.

Нина заставила себя посмотреть. В большом треснувшем зеркале у фонтана стояла женская фигура. Высокая, в тёмном костюме, с размытыми чертами. Она не двигалась. Просто стояла, чуть откинув голову, как будто позировала для фотографии. В другом осколке — фигура поменьше, сжавшаяся, с опущенной головой. А в третьем — что-то беснующееся, бьющееся о стекло изнутри.

— Это... мои? — прошептала Нина.

— Твои, — сказал Алекс. — Те, что ты копила годами.

Фигуры с размытыми чертами, словно смазанные акварелью по мокрой бумаге. Они стояли, сидели, просто существовали в отражениях, повторяя движения настоящих людей, но с запаздыванием, словно эхо. Их лица были пусты,

лишены индивидуальности, но в этой пустоте читалось нечто ненасытное, ожидающее.

— Алекс... — прошептала Нина, инстинктивно прижимаясь к нему спиной. — Кто они? Что это? Почему они... пустые?

Один из двойников в большом, треснувшем напополам зеркале у фонтана резко повернул голову в их сторону. Пустые глазницы, казалось, уставились прямо на Нину. Она вскрикнула и отшатнулась.

— Не смотри им прямо в глаза, — резко сказал Алекс, оттягивая её в сторону. — Они становятся агрессивнее, когда чувствуют внимание. Особенно... когда чувствуют сомнение.

— Кто они?! — повторила Нина, уже почти крича.

— Сборщики, — сказал Алекс. Коротко. Как отрубил. Он повёл её вдоль разрушенной оранжереи, подальше от зеркал. — Каждый раз, когда ты выбираешь не выбирать — ты берёшь на себя невыполненное. У себя. У своей жизни. У всех, кто мог бы что-то получить от твоего выбора. Они приходят, чтобы забрать. Не потому, что злые. Потому что так надо.

— Как это — «так надо»? — Нина не понимала. — Кому надо?

Алекс помолчал. Потом сказал, глядя в сторону:

— Ты когда-нибудь задумывалась, куда девается то, что ты не сказала? Не сделала? Не выбрала?

— Нет.

— Оно не исчезает. Оно копится. Где-то там. — Он кивнул на зеркала. — В отражениях. В тенях. Оно ждёт. И однажды приходит за тобой. Потому что ты должна. Потому что невыполненное нужно выполнить. Или заплатить.

Одно из отражений — высокая мужская фигура в тёмном костюме — беззвучно шевельнуло губами, повторяя слова Алекса. Нина вздрогнула.

— Какой долг? — переспросила она. — Я никому ничего не должна.

— Себе. Своей жизни. «Своим возможностям», — сказал Алекс. — Каждый раз, когда ты проглатывала слова — ты не проживала момент. Ты откладывала его. А отложенное нужно платить. С процентами.

Нина медленно покачала головой. Разум отказывался верить, но по спине пробежал озноб. — Ты хочешь сказать... они везде? Прямо сейчас? За этим стеклом? В тумане?

— Они везде, где есть отражения и нерешённость, — голос Алекса стал почти шёпотом. В лужах после дождя, в витринах магазинов, в очках прохожего, в полированном столе... Они — постоянный фон нашего мира, невидимый для большинства.

— Почему я? — спросила Нина. — Почему сейчас? Алекс помолчал. Потом сказал, глядя в сторону:

— Потому что барьер тончает. Везде. Люди перестали выбирать. Перестали бороться. А ты... — он посмотрел на

неё. Ты — как маяк. Для них. Твоя бабушка была Хранителем. Она ушла в отражение. И оставила... — он запнулся, — ...связь. Ты её чувствуешь. Даже если не понимаешь. Они идут на свет. На твой свет. Потому что ты — из её крови.

— А почему сейчас? — Нина не отступала. — Почему не год назад? Не пять лет?

— Потому что ты копила. Годами. Каждую улыбку. Каждое слово. Он помолчал. — Чаша переполнилась. И ещё... — он посмотрел на неё. — Ты сейчас в том возрасте. Когда твоя бабушка стала Хранителем. Это... активирует. Кровь. Память. Всё.

— Библиотека? — Нина нахмурилась. — Что это за место? Почему мы здесь?

— Это не место, — сказал Алекс. — Это... запись. Все невыбранные пути. Все проглоченные слова. Всё, что ты не сделала. Оно там. В книгах. В страницах. В тебе. Он посмотрел на неё. — Ты думаешь, почему мы здесь? Почему именно это место? Потому что здесь барьер тоньше. Потому что книги помнят. А память — это тоже отражение.

Он замолчал, его плечи слегка сгорбились. Нина видела, как он напряжённо всматривается в туман за окном. Его лицо было маской усталости и глубокой, изматывающей боли. Порыв сочувствия, странный и неожиданный, пересилил страх. Она осторожно коснулась его руки.

— Алекс... Ты не один. Мы...

Он резко обернулся. В его глазах не было ни утешения,

ни надежды. Только бесконечная, всепоглощающая правда, которую он нёс в себе.

— Я вижу их, Нина. Я вижу их всегда. Не только здесь. Каждый день. В каждой луже. В каждом окне. В каждом отблеске. С самого детства.

Нина хотела спросить больше, но в этот момент одно из отражений шагнуло вперёд. Не в их мир — внутри зеркала. Но движение было резким, хищным. Алекс мгновенно повернулся, выставив руку, словно прикрывая Нину от удара. Отражение замерло. Потом медленно отступило.

— Не все одинаковые, — сказал Алекс, всё ещё глядя на зеркало.

— Те, что родились из одного выбора — слабее. Они смотрят. Ждут. А те, что накопились из привычки, из того, что ты делала снова и снова, — сильнее. Они двигаются. Говорят. Растут. Потому что их кормили. Годами. Каждым проглоченным словом. Каждой фальшивой улыбкой.

— Та, что ты называешь Лгуньей, — продолжил он, — не та, кем ты могла бы стать. Она — всё, что ты проглотила. Все улыбки, которые ты выдавила. Они срослись. Стали... этим. Голодным. Злым. Потому что их никогда не выпускали.

Нина смотрела на три Тени. Лгунья улыбалась — широко. Кукольно. Трус сжималась — в комок. Дрожала. Жестокая была — кулаками. Без усталости. Они были разными — по силе, по голоду. Лгунья была жирной. Сильной. Готовой. Трус была тощей. Слабой. Забитой. Жестокая была бешеной.

Яростной. Голодной. Как зверь. Нина уловила — без слов — иерархию. Лгунья — первая. Жестокая — вторая. Трус — последняя. Пока.

— Почему они разные? — спросила она, не оборачиваясь.

— Потому что ты их по-разному кормила, — сказал Алекс. Он стоял рядом, у колонны, и смотрел не на тени, а на неё. — Лгунью — каждый день. Улыбка за улыбкой. Слово за словом. Жестокую — реже. Но сильнее. Каждый раз, когда ты кричала или хотела крикнуть. А Труса — всего несколько раз. Но так, что до сих пор болит.

Он помолчал.

— Они — не враги, Нина. Они — ты. Та, которую ты не прожила. Та, которую ты заперла. И теперь они хотят выйти. Не чтобы убить. Чтобы жить. Твоей жизнью. Потому что своей у них нет.

— А можно... убить Тень? — голос Нины дрогнул.

Алекс рассмеялся. Горько. Без веселья.

— Убить? Ты убьёшь часть себя. И невыполненное останется. Только платить будет некому.

— А выплатить?

Он замолчал. Долго. Потом сказал — тихо:

— Выплатить можно. Если признать. Если прожить. Но тогда она станет частью тебя. Навсегда.

Нина отступила на шаг. Стена за спиной — холодная. Как лёд. — А почему они не выходят сами? Что их держит?

Алекс подошёл к разбитому зеркалу. Коснулся трещины.

Пальцы задрожали.

— Барьер. Не зеркало. Барьер между нами и ними. Он держится на отрицании. Пока люди не верят — они слабы. Пока мы не смотрим — они спят.

— А если поверят?

— Тогда барьер рухнет. И они выйдут. Все. Сразу.

Нина сглотнула.

— Это было?

Алекс отвернулся. Молчал. Потом — почти неслышно:

— Было. Один раз. Давно. Город сгорел. Люди исчезли.

Никто не помнит. Кроме тех, кто видел.

Нина хотела спросить ещё, но он уже шёл к двери. Она бросила вдогонку:

— А фокус? Закрыть зеркало. Отказать во внимании. Это работает?

Алекс остановился. Не обернулся. — Работает. Но не бесплатно.

— Что забирает?

Он обернулся. Медленно. Посмотрел на неё. Долго. — Это не защита. Это отсрочка. Ты не закрываешь зеркало. Ты берёшь кредит. Каждый раз, когда ты закрываешь зеркало — ты отдаёшь часть себя. Не боль. Не кровь. Память. Чувство. Что-то маленькое. Но навсегда.

— Что ты отдал?

Алекс молчал. Долго. Потом — тихо:

— Голос матери. Я не помню, как она говорила. Помню

лицо. Помню запах. А голос — нет.

Он помолчал. Потом добавил, тише:

— Я закрывал зеркала много раз. Слишком много. Теперь я не помню, как она смеялась. Не помню, как она пела. Только лицо. Только запах. Остальное — пустота.

Тишина повисла между ними. Густая, как вата.

— Это стоило того?

— Нет, — сказал он. — Но иначе — смерть.

Он развернулся и пошёл к двери. Не оборачиваясь. Нина осталась одна. Среди отражений. Среди Теней. Среди правил, которые только что узнала. И которые уже ненавидела.

Глава 4. Знакомство с соседями

«Лгунья улыбается. Трус сжимается. Жестокая бьёт. Они — не враги. Они — части тебя. И каждая пришла за своим».

— *Хранитель, из наставлений*

Слова Алекса повисли в ледяном воздухе павильона. Нина стояла, прижавшись спиной к холодной каменной колонне. Мир отражений, всегда казавшийся ей нейтральным, пустым двойником реальности, теперь пульсировал скрытой, враждебной жизнью. Она осторожно подняла взгляд, заставляя себя взглянуть в ближайшее большое зеркало, ещё сохранившее относительную целостность, хотя и покрытое па-

утиной трещин.

Там, среди осколков её собственного испуганного отражения, стояла Тень. Женская фигура. Высокая, подтянутая, одетая в безупречный, но безликий тёмный костюм. Её черты были размыты, как лицо на старом фото, но в этой нечёткости угадывалось что-то знакомое... и глубоко чуждое. Она не просто стояла — она позировала. Чуть откинув голову, руки в карманах, излучая холодную, самодовольную уверенность.

Нина узнала её. Не чертами — они были размыты. Позой. Интонацией. Это была та часть её, которая всегда знала, как правильно улыбнуться. Как сказать «всё хорошо», когда внутри всё кипело. Как промолчать, когда надо было кричать. Лгунья. Её Лгунья. Самая старшая. Самая сильная. Самая удобная.

Запах дорогого одеколона, резкий и навязчивый. Зал заседаний, слишком яркий свет люстр — тот самый день стажировки, когда её впервые допустили на серьёзное совещание. Её голос, дрожащий, но твёрдый: «Я не согласна с вашим предложением, оно игнорирует базовые риски». Холодный, оценивающий взгляд руководителя проекта. Его улыбка, тонкая, как лезвие бритвы: «Милая Нина, вы так молоды... и, кажется, не понимаете, как здесь всё устроено. Ваше мнение... мило, но неуместно». Ощущение, будто тебя публично раздели. Гулкое молчание коллег, отведённые глаза. Выбор: сгореть со стыда, настаивая на своём? Или про-

глотить обиду, улыбнуться в ответ и согласиться — чтобы остаться в игре? Она выбрала улыбку. Сладковатый привкус унижения на языке. Ещё одна запись. И вот теперь эта Тень — отражение той Нины, которая не согнулась, которая выложила аргументы на стол, невзирая на последствия, — смотрела на неё с немым укором и ледяным презрением.

Лгунья улыбнулась. Широко. Сладко. И Нина поняла — это не угроза. Это предложение. Она умела предлагать. Она умела ждать. Она умела быть удобной. И это было страшнее всего.

Нина резко отвела взгляд. Перевела дыхание, пытаясь совладать с накатившей волной стыда и гнева. Следующее отражение притянуло её внимание само — в осколке зеркала на полу, присыпанном пылью и грязью.

Здесь Тень была женской. Сидела на корточках, съёжившись, обхватив колени руками. Голова низко опущена, длинные, грязные пряди волос скрывали лицо. От неё веяло таким безнадёжным отчаянием, что Нине стало физически холодно.

Душная квартира, залитая жёлтым светом уличного фонаря. Гулкий звук хлопнувшей входной двери — мама ушла. На часах полночь. Она, пятнадцатилетняя, сидит в темноте на кухне, обхватив колени. Из спальни доносится пьяное бормотание отчима и запах перегара. Каждый его шаг за стеной — удар по нервам. Вот он подходит к двери, шатается, ручка дёргается... а потом шаги удаляются. Выбор: запе-

реться на ключ? Или выйти и попытаться поговорить — в сотый раз? Она выбрала замок. Щелчок запора звучал как приговор. Тень на полу — та Нина, которая нашла в себе силы открыть дверь и сказать: «Хватит!», — казалась теперь не смелой, а просто сломанной и бесконечно одинокой.

Нина отвела взгляд. Слишком знакомо. Слишком больно. Это была она — та, что могла бы быть. Та, что не испугалась. Та, что открыла дверь. И теперь сидела здесь, в отражении, сжавшись в комок, и смотрела на неё с укором. «Ты меня оставила. Ты бросила меня здесь. Ты виновата. Ты должна». Нина слышала это без слов. И это было хуже любой угрозы.

Нина торопливо отступила от осколка. Она не хотела больше видеть. Но взгляд сам нашёл следующую Тень — в высоком, узком зеркале у входа в разрушенную оранжерею.

И здесь Нина замерла окончательно. Тень-Жестокая. Она была похожа на Нину — смутно, как кошмарное искажение. Тот же рост, похожие черты, но... вывернутые наизнанку. Лицо искажено гримасой бешенства, губы растянuty в оскале. Глаза горели холодным, хищным огнём. Эта Тень не просто наблюдала — она бушевала в своём отражении, рвалась вперёд, била кулаками по стеклу, которое странным образом не поддавалось. Каждое движение было наполнено слепой, разрушительной яростью. Но стекло не поддавалось. Пока. Только тонкая, как паутинка, трещина поползла от угла. Первая трещина.

Жестокая не говорила. Не угрожала. Она просто била.

Молча. Яростно. И в этом молчании было больше презрения, чем в любых словах. Она смотрела на Нину как на что-то жалкое. Ничтожное. Слабое. Как на то, что она раздавит. Когда выйдет. Обязательно.

Душный вечер, кухня. Мать, её лицо заплаканное и усталое, в который раз тихо плачет над фотографией отца. Нина, ей семнадцать, стоит в дверях. Внутри всё кипит — годами копившаяся боль, обида за мать, за себя, за эту жизнь. Мать шепчет что-то о прощении. И вдруг — щелчок. Что-то внутри Нины лопнуло. Голос, чужой, хриплый, вырывается из её горла: «Хватит ныть! Он сдох и бросил нас! Как и все они! Ты хочешь прощать — прощай свою жалкую жизнь!» Мать скидывает голову, глаза — круглые от ужаса и боли. Нина видит это — и ей хочется кричать ещё громче, бить посуду, разрушать всё вокруг, лишь бы эта боль внутри вышла наружу. Выбор: дать волю ярости? Или сжать зубы, стиснуть кулаки и выйти, хлопнув дверью? Она выбрала дверь. Дерево треснуло от удара. А Тень в зеркале — та Нина, которая не остановилась, которая дала ярости выйти до конца, — билась в своём заточении.

Нина зажмурилась, пытаясь стереть этот образ. Но когда она снова открыла глаза, её взгляд упал на то самое зеркало с Тенью-Жестокой. И она увидела. На поверхности стекла, прямо там, где кулак Тени только что бил с нечеловеческой силой, осталась царапина. Небольшая, но отчётливая. Глубокая бороздка, пересекавшая отражение мира. Как шрам на

реальности.

Нина протянула руку. Коснулась царапины. Под пальцами — холод. Не стеклянный. Другой. Как будто она прикоснулась к чему-то живому. К чему-то, что было по ту сторону. И это что-то ответило. Едва заметно. Дрожью. Нина отдернула руку. Царапина осталась. Настоящая. Физическая. Значит, всё это не игра воображения. Значит, они могут влиять. Значит, барьер — не стена. Всего лишь тонкая плёнка. И она — рвётся.

Это была не иллюзия. Не игра света. Это был физический след. Прорыв.

Ужас, более острый и реальный, чем все предыдущие, пронзил Нину. Тени не просто наблюдали. Они могли влиять. И эта... эта Жестокая, казалось, была ближе всех к тому, чтобы прорваться сквозь хрупкую преграду.

И тогда — в дальнем углу павильона, в самом большом из уцелевших зеркал — мелькнуло что-то ещё. Не фигура. Не Тень. Что-то... другое. Высокое. Тёмное. Оно простояло секунду — невыразимо древнее, невыразимо голодное — и исчезло. Но от него веяло такой силой, что все три Тени замерли. Даже Жестокая перестала бить. Нина не поняла, что это было. Но что-то внутри неё — что-то, связанное с бабушкиным взглядом из детства — вздрогнуло и затихло. Как будто узнало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.